

Дорогой Зураб Константинович

В Малом Манеже открылась персональная выставка Зураба Церетели

Ольга КАБАНОВА

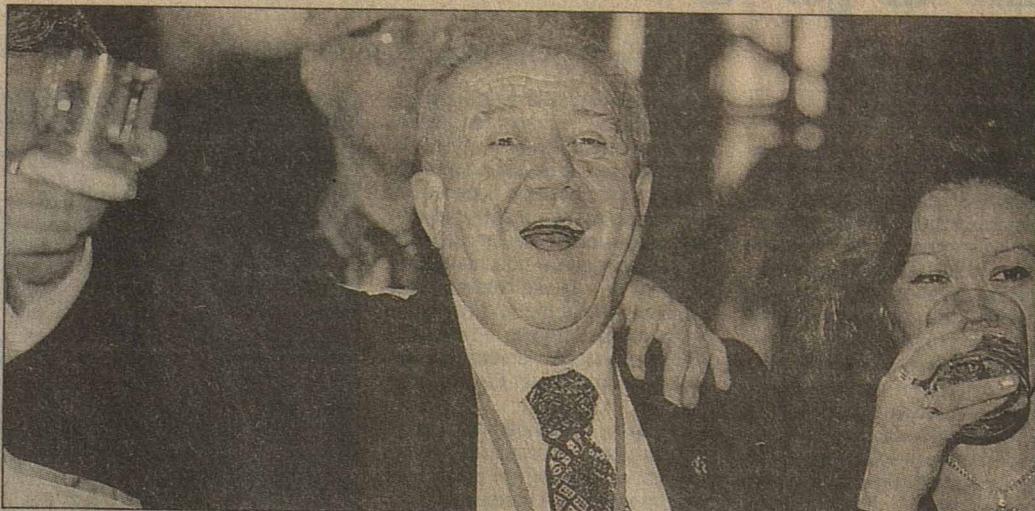
Задолго до ее открытия в разных профессиональных и дружеских компаниях часто задавался вопрос: «Но ведь живопись, кажется, у него хорошая?» Почему-то хотелось, чтобы так оно и было. Чтобы этот всегда и многим любезный человек, возродивший Российскую академию художеств и храм Христа Спасителя, этот великий труженик, друг президентов разных стран и мэров лучших городов мира, поставивший в Москве десяток памятников и еще с десяток по всему миру, оказался вдруг замечательным живописцем. Ведь неслучайно какие-то в общем теплые, но достаточно невнятные слова о нем сказали Пикассо, Шагал и Сальвадор Дали.

Хотелось, чтобы стихла злобная полемика вокруг его Петра и Колумбов, которыми он щедро одаривает города и страны. Чтобы все вдруг стало хорошо и можно было бы спокойно любоваться его бронзовыми мишками и уточками в Александровском саду, преображенном в уголок провинциального курортного города, и смотреть на его памятник царю-мореплавателю без привычного содрогания. Ведь все равно стоит и стоять будет. Хотелось бы, но никак не получается.

Люди быстро устают от ненависти и скандалов, в природе человека — сострадание гонимым. Но как

может казаться нуждающимся в страдании человек богатый и успешный, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии, посол доброй воли ЮНЕСКО и т.п., можно было бы как раз и рассмотреть на примере Церетели. Лучше рассмотреть выставку. О Церетели написано уже очень много, и еще обязательно представится случай написать, ведь его фантастическая работоспособность с годами не стихает и на земле еще остались места, где не стоят его памятники, дающие повод и для отчаянного зубоскальства, и для глубокой депрессии.

Выставка Церетели — как наваждение, словно двадцать лет назад пришел на большую отчетную выставку Союза художников СССР. Для полного сходства не хватает разве только официального парадного раздела с портретами героев революции, партизан и передовиков производства. Зато есть много вполне заурядного искусства разных народов нашей бывшей великой Родины, которых вдруг заменил один фантастически плодовитый Церетели. Большую часть экспозиции занимают красочные натюрморты и изображения пышных букетов, а также портреты людей простых и очень известных с неизменно трагическим выражением лица. Писаны они в слегка условной манере, в которой кто только не писал. Не единственный, но главный недостаток этих полотен — полнейшее

Перед радушем Церетели никому не устоять

отсутствие каких-либо серьезных художественных задач, в них решаемых. Краски берутся в избытке, но колорит картин от этого не обретает гармонии и не становится дерзко дисгармоничным. Композиции большинства работ стандартны. Приемы однообразны, поэтому кажется, что видишь одно и то же независимо от жанров, сюжетов и используемых техник. Единственное, что безусловно присутствует в картинах и рисунках, — это энергия. Но лучше бы ее оказалось меньше. Церетели пишет много и быстро (пять тысяч картин маслом, полторы тысячи портретов, конечно, на выставке — только малая часть сделанного), но это признак не столько ху-

дожника значительного (большинство из них работали мучительно), сколько художника-графомана. В живописи и рисунках Церетели узнаешь манеру многих больших или когда-то популярных мастеров, у него получается какая-то окрошка из Пикассо, Гуттузо, Сикейроса и старых грузинских фресок. Назвать такое искусство большим могут только листцы-виртуозы, которых Церетели притягивает к себе с какой-то нечеловеческой силой. Не лучше рисунка и живописи выставленная пластика. Есть у Церетели работы в академическом стиле, есть и просто декоративные панно в стиле рядовой советской монументалки 60—

80-х. Похожие можно встретить на всей территории бывшего СССР, они украшают фасады театров, дворцов культуры и интерьеры столовых заводов-гигантов.

В мире рядового искусства много больше, чем великого. Всегда были и до сих пор есть художники коммерчески очень успешные, но не внесшие никакого серьезного вклада в развитие искусства. Иногда они бывают очень популярны. Но кажется, что нигде в мире их не прославляют с таким беззастенчивым подобострастием, с такой непомерной лестью, с такой щедростью на восторженные эпитеты. Будто обсуждают не художника, пусть и титулованного, а отца народов.